

Глава 1

Тяжёлый снег падал зимой, толстым слоем ложился на красные стены и крыши.

Тревожные крики разносились по дворцу, Императорская стража устремилась вперёд и ворвалась в удалённый, уединённый зал в глубине Запретного города.

Зал зарос сорняками и пугал безлюдьем.

Стремительно вбежав внутрь, Императорская стража окружила зал; все мрачно смотрели на человека, стоявшего в снегу.

Позади стражи по земле волочились тяжёлые придворные одежды — Вдовствующая наложница Нин, величественная и роскошная, прикрывала нос и рот нефритовым платком, снисходя до того, чтобы войти в это бесплодное место. Она с отвращением смотрела на человека, стоявшего в снегу, — густой снег не мог скрыть её пышности, но когда она опускала на него взгляд, в её глазах не было и следа привязанности; напротив, она воплощала высокомерие того, кто восседает на высоком посту.

На человеке в снегу была лишь простая одежда, его лицо было бледным, как снег, лишённым всех красок. В зале не разжигали углей, и холодный воздух врвался внутрь.

Он казался призраком, заточённым здесь, лишённым жизненной силы; его глаза были бездонны, измождённое лицо исполнено болезни, а по одной стороне тянулся уродливый шрам.

Только его глаза пристально смотрели сквозь заснеженные дворцовые стены. Услышав далёкий звон колоколов, он дёрнул уголок рта и разразился смехом, будто слышал шутку.

От этого безудержного смеха лицо Вдовствующей наложницы помрачнело ещё больше. Она холодно посмотрела на кого-то рядом, и тогда человек выступил вперёд. С брызгами крови голова упала на землю. Обезглавленный человек всё ещё носил выражение отчаянной спешки, словно отчаянно пытался передать какую-то весть другим, но прежде чем успел, его голова отделилась от тела.

Человек опустил глаза и встретил взгляд головы — головы того, кто вырос вместе с ним. Его глаза не выдали никаких эмоций.

— Этот твой верный пёс даже в смерти хотел спасти тебя, — с усмешкой произнесла Вдовствующая наложница Нин.

— Я почти забыла: Ваше Высочество теперь не в своём уме и, вероятно, даже не может вспомнить этого евнуха, которого ты отпустил из дворца. Как жаль, ты отпустил его, а он думал спасти своего хозяина, тайно связываясь с мятежными министрами, чтобы вернуться и спасти

тебя.

Кровь головы просачивалась в снег, её немигающие глаза были обращены к Ин Фушэну. Его разум, долгое время отравленный ядами, казалось, наконец ухватил нить ясности. Он рассмеялся:

— Похоже, мой добрый императорский брат встревожен. Действительно, восходить на трон без законного права — даже во сне он, должно быть, просыпается в испуге.

При упоминании нового императора Вдовствующая наложница Нин заскрежетала зубами. Позади неё Императорская стража подняла клинки. Быстрое сообщение ворвалось во дворец палочку благовоний назад: новый император, взойдя на престол, истреблял инакомыслящих. Все мятежные фракции приговорили к крайним мерам, и тот, кто заточён в холодном дворце, был последним. Никто не ожидал, что такой человек, в изолированном от информации Запретном городе, сможет объединиться с принцем с северной границы, другого рода, чтобы повергнуть весь двор и страну в смятение.

Слухи о новом императоре распространялись повсюду, самый настойчивый из которых — что происхождение нового императора сомнительно: он не биологический сын Императрицы Сюй.

Евнух зачитал указ о вине вслух:

— Виновный министр Ин Фушэн обманывал своего государя, вступил в сговор с мятежниками, чтобы замышлять измену, — доказательства неопровержимы... Даруется чаша отравленного вина, чтобы он покончил с собой.

— Учитывая, что мы когда-то были матерью и сыном, есть ли у тебя что сказать?

— спросила Вдовствующая наложница Нин.

— К чему спешка, Вдовствующая наложница? Всего лишь евнух — не нужно вам марать руки.

— Ин Фушэн протянул руку и закрыл глаза евнуха; его тон был размерен, словно спокоен, но каждое слово звучало вызывающе: — Семья Сюй не беспокоится, а вы, Вдовствующая наложница, спешите оправдать нового императора. Можно подумать, новый император — ваш собственный сын. Но матушка-наложница, если я бунтую, думаете, новый император просто так оставит вас и семью Нин в покое? Сегодня семья Нин может быть заслуженными чиновниками, а завтра — предателями. Как вы думаете, что даст новому императору больше покоя — оставить скрытую угрозу или искоренить её?

— Этот безумец... Проводите принца в последний путь, — процедила сквозь зубы Вдовствующая наложница Нин.

Императорская стража двинулась вперёд.

Позади Наложницы Нин выступил вперёд дворцовый слуга с подносом. Несколько снежинок таяло в чаше, и отравленное вино колыхалось неустойчиво.

Главный евнух ничего не сказал. Он поднёс отравленное вино Ин Фушэну.

— Ваше Высочество, прошу.

Чаша с отравленным вином. Ин Фушэн посмотрел в сторону пустынного внешнего вида зала. Это бесплодное место, вероятно, никогда не видело столько людей, ступавших сюда. Его брат действительно выделил столько стражи, чтобы прийти. Он громко рассмеялся, звук эхом разнёсся по залу, даже слегка жуткий, заставляя стражу напрячься в бдительности.

— Не нужно утруждать себя.

Всё тело Ин Фушэна дрожало; даже без этого отравленного вина он не пережил бы зиму. Он протянул руку и схватил чашу, на её поверхности мелькнуло отражение его лица. Он пробормотал:

— Прекрасное вино передо мной, но нет времени праздновать. Позвольте пожелать моему брату бессонной ночи и беспокойного трона...

С этими словами он осушил чашу. Яд обжёг его горло, но принёс ему удовольствие, которого он не чувствовал годами.

Что толку быть принцем? Без власти или влияния никогда не пересечь эту красную стену.

Ин Фушэну потребовалось много лет, чтобы понять это: эксплуатация Наложницы Нин, секреты внутреннего двора и его нелепая жизнь, полная предательства.

Краем глаза Ин Фушэн смотрел сквозь ветер и снег на более высокое место.

Его зрение постепенно тускнело. Ин Фушэн не мог закрыть глаза; в его взгляде на высоты дворца была только непреклонная обида.

Вино едва прошло в горло, как через мгновение его дыхание прекратилось.

Если будет следующая жизнь...

* * *

С всплеском ощущение утопления захлестнуло его, вода затопила нос и рот, когда Ин Фушэн погрузился в ледяную воду.

— О нет! Его Высочество упал в воду!

— Кто-нибудь, скорее!

Бульк, бульк — в ушах стало глухо, словно он под водой. Он почувствовал, как его тело двигают, и звук чьего-то тяжёлого дыхания рядом.

Ин Фушэн слышал шум вокруг себя, рёв воды исчезал из ушей. Первое, что он почувствовал, — это сильный жар в теле, горло горело, будто в огне, словно дыхание стало борьбой. Он отчаянно пытался вырваться с грани смерти, и когда глоток воздуха наконец ворвался в его горло, он резко очнулся от оцепенения.

Упал в воду — о чём говорят эти люди?

Обрывки слов и фраз достигали его ушей, и он открыл глаза.

То, что встретило его взгляд, была яркая внутренняя палата: постельные занавеси насыщенных цветов по обе стороны, жемчуга ярко мерцали, кисточки мягко покачивались.

Ослепительно яркий свет мешал ему держать глаза открытыми. После лет заточения в уединённом дворце он привык к сырым, холодным местам. Но теперь тепло окутывало его, горя так жаростно, что он едва мог дышать, оставляя его ошеломлённым, а голова раскалывалась от боли.

Разве я не умер?

Когда звуки вокруг него стали громче, его лицо побледнело ещё больше. Прежде чем он смог осмыслить ситуацию, рядом с ним раздался внезапный возбуждённый крик:

— Ваше Высочество!

При этом крике все присутствующие немедленно прекратили свои причитания и посмотрели на человека на кровати так, будто увидели призрака.

Когда его чувства вернулись, Ин Фушэн ощутил всплеск суеты вокруг себя.

— Быстро, сообщите Наложице! Его Высочество очнулся!

С этим криком давно забытые воспоминания нахлынули обратно. Всё тело Ин Фушэна напряглось, горло всё ещё чувствовало последнее жгучее жало яда. Перед глазами мелькающие тени, казалось, отражали холодное лицо нового императора в великом зале, а шум в ушах смешивался со злобой других... пока всё это не растворилось в спальне перед ним в размытом пятне.

Молодой евнух стоял на коленях перед ним, слёзы блестели в его глазах; он выглядел чрезвычайно радостным, увидев Ин Фушэна очнувшимся.

Ин Фушэн пришёл в себя в оцепенении.

— Сун Ань?

Евнух Сун Ань, дворцовый слуга, который служил ему с детства, чья отрубленная голова в снегу смотрела пустым взглядом, теперь накладывался на молодое невинное лицо перед ним.

Разве он не умер вместе со мной? Кто этот человек передо мной?

Неужели я действительно сошёл с ума под конец? Оставшийся яд повредил мой разум, и перед смертью мне привиделась такая яркая галлюцинация.

— Я же велел тебе покинуть дворец — почему ты вернулся?

— пробормотал он.

— Ваше Высочество, что вы говорите?

— Молодой евнух Сун Ань сначала испугался, а затем слёзы беспокойства потекли по его лицу от бессвязной речи Ин Фушэна: — Вы случайно упали в воду и были без сознания полдня. Императорский лекарь сказал, что вы можете не выжить.

Он не мог видеть дальше комнаты, но тепло ощущалось удушающе сильным. Кто разрешил использовать уголь? Разве никто не знал, что уголь нужно расходовать экономно?

Ин Фушэн смотрел на сцену перед собой, которая казалась иллюзией, и видел всё ещё юного, стройного Сун Аня.

Образы накладывались; рука, сжимающая его собственную, становилась всё крепче и крепче. Сон? Иллюзия? Или что-то иное?

Это ощущалось слишком реально. Он спросил с бледным лицом:

— Упал в воду? Когда я упал в воду? Новый император уже взошёл на трон?

Услышав это, окружающие пришли в ужас и бросились вперёд. Великая Юань процветала под сильным, энергичным императором. Как мог Его Высочество говорить такие безумные вещи!

Наконец Ин Фушэн увидел выражения окружающих, будто они увидели призрака, и пришёл в себя:

— Какой сейчас год?

— Шестнадцатый год правления Тайюань, — хором ответили слуги, видя ошеломлённого Шестого принца.

Шестнадцатый год Тайюань...? Это пятнадцать лет назад!

Ин Фушэн сильно вздрогнул, оглядываясь в недоумении. Наконец его глаза остановились на собственных тонких руках, отмеченных оставшимися синяками от лет иглоукалывания, и под смертельно бледной кожей резко выделялись вены. Самое главное — эти руки были руками ребёнка. Ошеломлённый, он уставился на сцену перед собой, его разум кружился, и сквозь угасающее зрение он видел людей вокруг себя.

Знакомый декор зала полностью отличался от холодного дворца, где он был заточён годами. Жаровня излучала тепло, сдерживая холодный ветер, и далёкие воспоминания нахлынули обратно — это на самом деле был Дворец Вэйян, где он жил в детстве.

Дворец Вэйян? Он сходил с ума, или это была галлюцинация?

— Наложница Нин прибыла...

— донёсся голос из внешнего зала, вырвав Ин Фушэна из оцепенения.

Почти инстинктивно он проследил за звуком и посмотрел прямо на внешнюю палату, где подняли занавес, и внутрь вошла красивая женщина в дворцовом одеянии.

— Наложница Нин! Его Высочество очнулся!

Среди суеты взгляд Ин Фушэна прошёл мимо слуг и остановился на красивой женщине в дворцовом одеянии позади них.

В оцепенении, или, возможно, не так давно, он видел, как эта женщина подошла к нему, её великолепные дворцовые одежды волочились по густому снегу снаружи холодного дворца, а

позади почтительно следовали дворцовые слуги, обращаясь к ней как к Вдовствующей наложнице в лъстивых тонах.

Смутно перед ним предстала молодая Наложица Нин. Эта любимая императорская наложница не выказывала в глазах и следа беспокойства, лишь непостижимую холодность. Две фигуры наложились — лицо перед ним не имело зрелой эlegantности поздних лет, оно было таким же молодым и красивым, как в его памяти, с экстравагантными серьгами, роскошными дворцовыми одеждами и запахом дарованной императором косметики.

Зрачки Ин Фушэна сузились. Это была Наложица Нин, его так называемая биологическая мать.

Едкий вкус отравленного вина двоился в его памяти. Возможно, потому что сцена во Дворце Вэйян была слишком реальной, вид её юного облика снова напомнил ему о его манипулируемой юности.

Он родился преждевременно, и его мать едва выжила, рожая его, что стоило ей половины жизни. С малых лет Ин Фушэн никогда не был любим своей матерью, но он никогда не жаловался. Он знал, что его рождение чуть не стоило его матери жизни, поэтому он уважал и почитал Наложицу Нин, никогда не ослушиваясь её, даже терпя её холодность и пренебрежение.

Поэтому позже, когда мать попросила его о небольшом одолжении, он согласился не раздумывая. Он и представить не мог, что это станет началом его падения. То небольшое одолжение касалось военных счетов, и, однажды коснувшись их, он словно обрушил на себя тысячу гор — это напрямую разгневало его венценосного отца и привело к заточению в глубине дворца. Прежде чем его заперли, он ещё тревожился, не повлечёт ли его ошибка последствий для матери. Но вскоре передумал: его мать не только вышла сухой из воды, но и её семья Нин возвысилась, превратившись во фракцию наследного принца.

Он был разменной пешкой, которую вытолкнули вперёд, ступенькой для верности и возвышения семьи Нин.

Лишь через два года заточения он узнал от старой кормилицы, которую отравили и которая едва выжила, что не был родным сыном Наложицы Нин. Его подменили при рождении. Настоящей его матерью была Императрица Сюй. В ту пору семья Нин клонилась к упадку, в Восточном дворце не было наследного принца, а Императрица пользовалась глубоким доверием и благосклонностью Императора. Наложица Нин подкупила личную служанку Императрицы, приняла снадобье, вызывающее роды, родила в тот же день и совершила чудовищный подлог — подменила принцев.

В конце концов новый император взошёл на трон, семья Нин возвысилась, став заслуженными сановниками новой династии.

А ему поднесли чашу отравленного вина и отправили на смерть — и вот он открыл глаза и

оказался здесь.

— Наложница Нин!

Дворцовые слуги поклонились.

Голоса слуг вернули Ин Фушэна к действительности, и он заметил, что руки у него под одеялом дрожат. Ненависть, подобная болезни, проникшей до самых костей, вспыхнула в сердце. Он сжал пальцы и огляделся. Двоение в глазах исчезло, люди и предметы стояли перед ним ясно.

Шестой принц упал в воду и пролежал без сознания с сильным жаром целый день. Во Дворце Вэйян весь день царило напряжение, императорские лекари приходили и уходили по нескольку раз. Едва он очнулся, как прибыла Наложница Нин с лекарем. Лекарь прощупал пульс Ин Фушэна и, несмотря на всеобщую панику, с проблеском радости сообщил после тщательного осмотра:

— Хорошо, что Его Высочество очнулся. Просто замечательно, что очнулся.

— Ваша Милость, Его Высочество выжил!

— выкрикнул кто-то.

Наложница Нин выглядела измождённой, глаза её слегка покраснели. Услышав это, она просияла. Наклонившись, она нежно взяла его за руку и привлекла к себе, с чувством произнеся:

— Шэнхэр, тебе лучше? Ах ты шалун, как же ты оказался в том месте? Слава богам, искусство лекаря спасло тебя. Если бы с тобой что-то случилось, что бы я, твоя мать, потом делала?

В ноздри ударил запах косметики. Шум воды в ушах Ин Фушэна стих, едва он опустил взгляд на руки Наложницы Нин, сжимавшие его с излишней силой. Ткань её одежды, коснувшись его кожи, вызвала жжение, которое привело его в чувство. Казалось, она не замечала, с какой силой тискает больного ребёнка. Её слова, с виду нежные и участливые, на деле обвиняли его в том, что он упал в воду и доставил всем хлопот, и упрекали в своенравии.

Произнеся это, Наложница Нин заметила, что ребёнок в её объятиях молчит.

— Дитя, почему ты молчишь?

— Ваша Милость, Его Высочество только что очнулся, с ним следует обращаться бережно, — тактично заметил лекарь.

— Но то, что он очнулся, уже великое благословение!

Только тогда Наложница Нин словно опомнилась и торопливо принялась расспрашивать лекаря о необходимых предосторожностях, изображая встревоженную мать.

Окружающие лекари и слуги, видя это, принялись утешать Наложницу Нин, твердя, что Его Высочество благословлён небесами.

Слушая это лицемерное представление и сочувственные взгляды лекарей, Ин Фушэн наконец вспомнил, когда это случилось. Это случилось в его детстве: одной зимней ночью он упал в воду и едва выжил. Лекари лечили его всю ночь и вытащили с того света. То падение оставило его слабым и наградило хронической болезнью. Наложница Нин замолчала это дело, списав всё на своенравность и шалости принца, и тем самым заработала себе репутацию добродетельной матери.

— Ваше Высочество, вы чувствуете какое-либо недомогание?

Спустя некоторое время лекарь наконец почувствовал неладное.

После нескольких попыток заговорить с ним Шестой принц не проявил никакой реакции, даже не шевельнулся.

Ходили слухи, что Наложницу Нин и Шестого принца связывала глубокая привязанность, и она провела рядом с ним всю ночь. Но теперь казалось, что Шестой принц не слишком близок с Наложницей Нин. Молодой евнух, заговаривая с ним, получал ответ, но на слова Наложницы Нин принц никак не отзывался.

Обычно, когда Наложница Нин говорила подобное, Ин Фушэн отвечал. Но сегодня он почему-то молчал. Лекарь заметил это, и Наложница Нин, слегка стиснув зубы, тихо позвала его и даже ущипнула за руку, пытаясь добиться хоть какой-то реакции.

Ребёнок, сидевший на кровати, не двигался, привалившись к Наложнице Нин. Из-за жара его губы приобрели зловещий алый оттенок. Тёмные глаза, глядевшие сквозь растрёпанные волосы, уставились на Наложницу Нин, создавая жуткое ощущение, будто перед тобой мстительный дух. Слуги, вспомнив бред принца, когда он только очнулся, невольно поёжились.

Наконец, когда лекарь уже собирался подойти, Шестой принц заговорил:

— Пить.

— Принесите лекарство, — сказал лекарь.

Евнух Сун Ань тотчас же бросился за лекарством для Ин Фушэна.

Когда он принёс снадобье, Наложница Нин взяла чашу. Она бережно поднесла её к губам Ин Фушэна:

— Давай, Шэнъэр, осторожно, горячее.

Не успела она договорить, как тело Шестого принца непроизвольно дрогнуло, и, слегка качнувшись вперёд, он задел руку Наложницы Нин с чашей. Наложница Нин совершенно этого не ожидала. Тёплое лекарство выплеснулось ей на платье, испачкав некогда великолепный дворцовый наряд. Её лицо на мгновение исказилось, и она отшатнулась от боли, едва не вскрикнув.

Окружающие всполошились и бросились к ней. Ин Фушэн взглянул на Наложницу Нин и мгновение спустя, словно опомнившись, посмотрел на неё с тревогой:

— Матушка?

Наложница Нин встретила его взгляд и с трудом удержала на лице маску.

— Ничего. Шэнъэр, ты не обжёгся?

Слуги быстро прибрали. Рука Наложницы Нин покраснела от ожога. Она стиснула зубы и выдавила улыбку, не имея возможности даже переодеться.

— Лекарь, как Шэнъэр?

Когда суматоха улеглась, лекарь увидел, что состояние Шестого принца стабилизировалось. Он шагнул вперёд, задал несколько вопросов и убедился, что принц реагирует. Затем он отошёл в сторону и обратился к Наложнице Нин:

— Его Высочество упал в воду, и холод проник в его тело. То, что он очнулся, — уже хорошо. Но в ближайшие дни за ним нужен тщательный уход. Сейчас как раз канун дворцового банкета. Болезнь Шэнъэра пока следует держать в тайне. Если это выйдет наружу и встревожит Вдовствующую императрицу, будет худо.

Наложница Нин выглядела утомлённой и, говоря это, то и дело поглядывала на Шестого принца в постели с выражением глубокой озабоченности на лице.

— Я побеспокою вас на ближайшие несколько дней.

— Я понимаю, Ваша Милость, — с признательностью ответил лекарь. Падение принца в воду и его тяжёлая болезнь легко могли обернуться тем, что вина пала бы на Императорскую лечебницу.

Наконец, проводив лекаря, лицо Наложницы Нин вновь обрело спокойствие. Подавив отвращение, она посмотрела на Ин Фушэна, лежавшего в постели; её лицо было совершенно бесстрастным. Взгляд, которым она его окинула, был взглядом на обычного больного — ни боли, ни жалости, словно она просто исполняла формальность.

Видя, что Ин Фушэн почти не реагирует, она подумала про себя: и почему этот надоедливый мальчишка просто не сгорел в лихорадке?

Дворцовая служанка принесла свежесваренную чашу лекарства.

— Ваше Высочество, Её Милость лично готовила это лекарство и следила за ним больше часа.

Терпение Наложницы Нин было почти на исходе. Вспомнив, что слуги всё ещё здесь, она заставила себя изобразить тревогу и смягчила голос:

— День рождения Вдовствующей императрицы на носу, во дворце дел непростой. Твоя мать отвечает за подготовку банкета. Твой императорский отец ещё не вернулся с фронта. Не упрямься сейчас.

Она говорила до тех пор, пока у неё не пересохло во рту, а испачканное дворцовое платье причиняло ей крайнее неудобство.

Наконец, когда она уже была готова сорваться, Ин Фушэн начал пить лекарство.

Пока он пил, брови Наложницы Нин разгладились. Увидев, что он выпил почти половину чаши и уже клюёт носом, она отставила чашу, велела другим дворцовым служанкам присматривать за ним, сказала, что Его Высочеству нужен отдых, и, поднявшись, удалилась.

Как только Наложница Нин ушла, остальные слуги в зале уставились на Шестого принца, лежавшего без движения. Особенно когда его взгляд скользил по ним, это действовало на нервы.

Когда старшая дворцовая служанка сказала, что ему нужен отдых, несколько слуг поспешно вышли вслед за ней.

Едва они ушли, Ин Фушэн внезапно надавил на горло, и его захлестнула волна тошноты.

Он изверг всё лекарство, перепугав слуг во главе с Сун Анем, который тут же закричал, чтобы

звали лекаря:

— Кто-нибудь...

Ин Фушэн, однако, протянул руку и в этот миг остановил Сун Аня. Убедившись, что он изверг всё до последней капли, он всё ещё дрожал от тошноты; грудь тяжело вздымалась, а чувства пребывали в смятении. Прошло немало времени, прежде чем затянувшиеся кошмары рассеялись, и только тогда он медленно перевёл взгляд на пятна лекарства на полу...

Он не мог пить это лекарство. В детстве он был хилым; говорили, что его тело ослаблено из-за преждевременных родов. Даже если ему удавалось вырасти без происшествий, он всё равно часто болел и недомогал.

В ту пору Наложница Нин была очень заботлива: постоянно искала укрепляющие травы, чтобы укрепить его тело. Именно поэтому Ин Фушэн когда-то верил, что Наложница Нин любит его, просто не умеет этого выразить... Но позже, когда он был заточён в глубине дворца, лишённый всякой поддержки, одна добрая пожилая дворцовая чиновница осмотрела его и открыла правду: он был глубоко отравлен тайным дворцовым ядом.

Это был секретный рецепт из предыдущей династии, как объяснила чиновница. Даже если бы императорский лекарь осмотрел его, он диагностировал бы лишь ослабленное телосложение. Не зная природы яда, обнаружить его было почти невозможно. Но со временем он разъедал его внутренние органы и поражал разум, в конце концов сводя с ума или приводя к ранней смерти.

Ин Фушэн уставился на тёмное пятно пролитого лекарства на полу. Это так называемое питательное и восстанавливающее снадобье на самом деле толкало его к гибели. Он отвёл взгляд и оглядел роскошную, тёплую спальню вокруг, но в следующий миг она обернулась в его сознании той тусклой, холодной и гнетущей дворцовой тюрьмой. Завывающий ветер, казалось, разрывал его мысли.

— У тебя ещё даже жар не спал. Я сейчас же пойду к сестре Би Чжу и попрошу её приготовить ещё одну порцию.

Би Чжу была личной служанкой Наложницы Нин. Сун Ань договорил и уже собирался уйти.

Но не успел он сделать и нескольких шагов, как принц внезапно потянул его за одежду. Он тотчас замер, боясь потревожить его. Обернувшись, он встретился с иссиня-чёрными глазами принца. Эти глаза были ясными, но бездонными, и Сун Ань испугался.

— Сун Ань, подойди ближе, — сказал Ин Фушэн.

Сун Ань нерешительно приблизился. В тот миг, когда он приблизился, тёплая рука принца

легла ему на шею.

Внезапное тепло испугало его. Принц, казалось, искал что-то, чего не было на его шее, и долго молчал.

— Ваше Высочество?

Ин Фушэн почувствовал живой пульс под своей ладонью — та самая голова, что умерла с широко открытыми, не желавшими закрываться глазами, теперь хранила жизненную силу, которой прежде не было. Пульсация крови привела его в чувство. Он скрыл странное выражение лица и заговорил лишь мгновение спустя:

— Ничего. Можешь идти.

Сун Ань всё ещё был слегка встревожен, но, видя, что принц желает отдохнуть, ему ничего не оставалось, как удалиться.

Снаружи покоев приказы Наложницы Нин обеспечили, что внутри больше никого не осталось. Как только Сун Ань ушёл, воцарилась абсолютная тишина.

Такая тишина была Ин Фушэну знакомее всего — после стольких лет он жил в запустении, которое задушило бы любое живое существо.

Ин Фушэн закутался в свой халат и поднялся. Он взял чашу с лекарством, понюхал её, а затем вылил содержимое в угольную жаровню. Так называемое укрепляющее снадобье, специально приготовленное Наложницей Нин, было мгновенно поглощено пламенем, бесследно испарившись. Он подошёл к бронзовому зеркалу неподалёку и увидел своё нынешнее «я». Его юное лицо не носило и следа того, кем он станет. Его чрезмерно худое лицо измождала болезнь, а опущенные глаза придавали ему слабый, незащитный вид. Хотя ему уже было десять лет, он выглядел как ребёнок семи или восьми. Его маленькое тело казалось хилым и жалким, что делало его лёгкой мишенью. Это было лицо детской трусости, лишённое шрамов, оставленных клинками в более поздние годы.

Всё тело Ин Фушэна горело от жара, но холод прокрадывался в его сердце, дюйм за дюймом.

Это было лицо, не похожее на его мать. Если и было какое-то сходство, то лишь в глазах — унаследованных от его императорского отца. В нём не было ничего от широких бровей и больших глаз, характерных для семьи Нин...

Он не умер.

Он вернулся в своё детство, в то время, когда всё ещё не началось.

Брат Ци всё ещё был в пути!

Для вас старался Команда Webnovels ☐

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/20149/1994150>